

Белая грива.

Бердибек Сокпакбаев

(В сокращении)

1

Случилось это в страдную пору. Над пожелтевшей степью колыхались дымчато-голубые волны знойного марева, в полях днем и ночью натужно гудели тракторы и комбайны, а колхозное село с самого раннего утра томилось в сонной тишине; только редкое цоканье конских копыт да крики неугомонных мальчишек нарушали эту тишину.

В один из таких тихих и знойных дней парторг колхоза Карим привел на поводу домой упитанного, как чужук, чалого коня. Никто не обратил на это особого внимания — мало ли в колхозном поселке лошадей! — только младший брат Карима, страстный лошадиник Сулеймен, стал вертеться вокруг чалого с видом отчаянного барышника. Этот шестнадцатилетний паренек был действительно неплохим знатоком по конской части, наперечет знал всех верховых лошадей колхоза, каждую испробовал на бег и резвость и мог рассказать все о любой из них. Чалый сразу же привлек внимание юноши. Ощупывая и оглядывая каждый его мускул, налитый нетронутой силой, Сулеймен спросил брата:

— Ага, чья это лошадь?

— Наша, чья же еще!

— А где же вы ее взяли? — Сулеймен знал, что ни в колхозе, ни окрест не было такого коня.

— Купил на погранзаставе. Забьем на зиму.

Сулеймен оторопело посмотрел на брата — не шутит ли? Но лицо Карима оставалось серьезным. Сулеймен, уже видевший себя верхом на чалом, вихрем мчавшемся по степному раздолью, сразу сник и с жалостью посмотрел на спокойно стоявшего коня, который, не чуя беды, то и дело встряхивал гривой и звенел удилами. «Брат, наверное, с ума сошел, — с горестным недоумением подумал юноша. — Забить такую лошадь! Если бы он был старый, покалеченный, тогда другое дело. Но ведь чалый здоров и силен, если он, Сулеймен, что-нибудь понимает в лошадях. Зарезать! Это же преступление!..»

Карим, заметив на лице братишки растерянность и недоумение, догадался, о чем думает тот. И он рассказал Сулеймену, чем вызвано такое решение.

Недалеко от колхозного села, на берегу горной речки, располагалась пограничная застава. С давних пор между колхозниками и пограничниками завязалась крепкая дружба. Если на заставе объявлялась тревога, сельские дружинники быстро седлали своих коней и рассыпались по окрестностям в поисках перешедшего кордон нарушителя. Не оставались в долгу и пограничники, они помогали колхозу в горячие дни уборки урожая.

Недавно на заставу прибыло новое «конское пополнение». Среди приведенных лошадей был и чалый. Любители верховой езды, а их было немало среди солдат, сразу же распознали в нем незаурядного скакуна и рьяно взялись обучать его всем премудростям пограничной службы. Но скоро наступило разочарование — конь оказался не в меру строптивым. Сколько ни бились с ним солдаты, он никак не поддавался верховой езде, не хотел терпеть на себе всадника. На чалого махнули рукой и составили акт, что конь не годится к строевой службе.

Однажды в контору колхоза приехал начальник заставы капитан Халваши. После делового разговора с Каримом он, будто между прочим, сказал:

— Вы, казахи, любите конину, а у нас есть одна лошадка. Хорошая, но измучились мы с нею. Не хочет ходить под седлом — и все тут. Может быть, купите ее на мясо? Дешево продадим.

— Жирная?

— Еще какая! Наверное, и бесится-то с жиру.

И Карим вместе с капитаном отправился на заставу. Конь стоял в деннике и спокойно жевал сено. Карим внимательно осмотрел его. Конь как конь, четырех лет, не больше, статный и, кажется, очень смирный.

— Говорите, с норовом, не можете объездить?— недоверчиво спросил Карим.

— С виду-то он тихоня,— с нескрываемой неприязнью ответил капитан,— оседлать дается, но попробуй на него сесть. Как почувствует на себе седока, так словно чертом становится, не успокоится до тех пор, пока его не сбросит. Двоих солдат уже покалечил — один вывихнул плечо, другой сломал руку. Не конь, а шайтан.

Карим вздохнул с сожалением и сказал:

— Черт с ним, покупаю. На зиму мясо все равно запасать надо.

Сторговались быстро, и Карим увел с собой лошадь. Уплатил он за нее всего сорок рублей — цену хорошего барана.

Рассказав обо всем этом, Карим вскочил на своего коня и наказал Сулеймену:

— Придет Омиралы и уведет чалого на джайляу. А пока пусть он постоит здесь. Да не вздумай проехаться на нем, понял?

2

Брат уехал, а Сулеймен все никак не мог отойти от чалого. Чистой серебристо-стальной масти, с черными точеными копытами, упругими мускулами, которые бугрились под шелковистой шерстью, конь был необыкновенно красив. Только коротко обрезанный хвост, напоминавший о недолгой службе на заставе, немного портил его. В больших глазах чалого светился ум, и казалось, что чалый понимал восхищение юноши: прыдал маленькими острыми ушами, изгибал дугою шею и,

пританцовывая, бил передними ногами землю. Но сразу было видно, что чалый не знал седока, он вздрагивал даже от прикосновения мухи.

«Эх, промчатся бы сейчас на нем по степи!— снова подумал Сулеймен.— Если согнать с него жирок да потренировать как следует, будет не конь, а картинка!»

Стоя на безопасном расстоянии, Сулеймен протянул раскрытую ладонь к морде коня. Чалый осторожно понюхал ее, фыркнул и отвернулся, ничем не выдав своего нрава. Сулеймен осмелел и легонько провел рукой по холке чалого, ласково потрепал белую гриву, потом стал почесывать ему шею, водить ладонью по животу. Чалый даже не шелохнулся. «Видимо, он привык к запаху человека,— подумал Сулеймен.— Конечно! Говорил же Карим-ага, что он бесится только под седоком. Но какой же конь-неук¹ сразу поддается? Любого неука приходится долго объезжать, надо только быть терпеливым и не бояться. Нет такого строптивого коня, которого нельзя было бы укротить»,— заключил Сулеймен, глядя в умные, настороженно косящие глаза коня. И мысль приручить чалого крепко засела в голове юноши.

4

«Я сделаю из тебя хорошего скакуна, чего бы это мне ни стоило,— думал Сулеймен, любуясь чалым.— Не допущу, чтобы твои кости грызли собаки.

Ты создан для быстрого бега и будешь бегать на зависть всем.»

На удивление Сулеймена, конь легко дал себя оседлать. Оставалось только попасть в седло. Но как это сделать? Сулеймен вывел чалого со двора на улицу. Конь спокойно следовал за ним, только, когда стремяна били его по бокам, вздрагивал и испуганно прядал ушами. ЧОноша оглядел улицу, ища глазами кого-нибудь, кто помог бы ему сесть на лошадь. Но улица была безлюдна. Поглаживая чалого, Сулеймен обдумывал, как вскочить на него. Незаметно приладил стремя, собрал в кулак повод и вместе с ним зажал клочок гривы. Чалый, почувствовав неладное, замер. Сулеймен заметил это и, не мешкая, взлетел на спину коня. Еще секунда — и ноги вдеты в стремяна, натянут до отказа повод.

Чалый, казалось, только этого и ждал. Дико заржав, он взвился свечкой. Но юноша был начеку, он низко пригнулся в седле и крепко вцепился в гриву лошади.

Не сумев сбросить седока с первого раза, чалый словно взбесился. Снова и снова становился он на дыбы, высоко взбрыкивал задом, стараясь сбросить седока через голову. Но Сулеймен не поддавался. Словно сознавая свое бессилие, чалый пронзительно заржал, взял с места в карьер и вихрем помчался по широкой улице. «Черт возьми, как же я не догадался, что чалый понесет в свою конюшню!— мелькнуло в голове у юноши.— Надо было предупредить часовых, чтобы заперли ворота!»

Припав к шее лошади, Сулеймен изо всей силы натягивал левый повод, стараясь повернуть коня в сторону долины. Бесполезно! Закусив удила, конь неудержимо неся к заставе. Редкие прохожие испуганно шарахались и удивленно глядели ему вслед.

Промчавшись по главной улице, чалый повернул в проулок, который вел прямо к воротам заставы. Навстречу шел самоходный комбайн. Увидев, что машина загромождает путь, чалый зло всхрапнул, круто свернул в сторону и одним махом перелетел через канаву и полутораметровый дувал, огораживающий участок кузнеца Акимкожи.

В огороде росла картошка, окруженная, как забором, желтоголовыми подсолнухами. С треском ломая их, расшвыривая копытами комья рыхлой земли, чалый мчался через огород, словно решив или сбросить ненавистного седока, или сломать себе шею.

Часовой, стоявший на караульной вышке, давно уже обратил внимание на мчавшегося стремглав всадника и с удивлением следил за выкрутасами коня.

«Кто-то из колхозных молодцов объезжает неука», — думал солдат. И только когда всадник был уже совсем близко, часовой узнал чалого. Да, это был тот самый конь, который не поддавался пограничникам! «А смелый, видать, джигит, раз решился проехаться на этом черте!» — размышлял часовой и вдруг, представив, какая опасность грозит наезднику, крикнул стоявшим внизу солдатам:

— Скорее закройте ворота, чалый к нам кого-то несет!

Солдаты не расслышали крика часового и, задрав головы, стали переспрашивать:

— Чего ты там кричишь?.. Кто кого несет?

А чалый был уже у ворот. Еще минута-другая — и всадник, ударившись о низкую перекладину, расшибется насмерть!

Сулеймен видел, какая опасность грозит ему, и решился на рискованный, но единственно возможный шаг: он выдернул ноги из стремян, уперся обеими руками в луку седла и сбросил себя с коня. Упал он на обочину дороги и покотился по запыленной траве, словно брошенная шапка. Густая придорожная трава смягчила силу удара, и Сулеймен отделался легкими ушибами, ободрал ладони и колени. Вскочив на ноги, отряхнулся от пыли, подолом рубахи вытер лицо и посмотрел вслед чалому — тот уже влетел в конюшню.

Солдаты обступили Сулеймена. Потный, покрасневшийся, с радостным возбуждением в глазах, юноша рассказал им о своей попытке укротить коня. Пограничники укоризненно качали головами, советовали:

— Ты, парень, брось это дело, убьешься. Чалый не конь, а сам дьявол. Видишь, вон Никифоров ходит с перевязанной рукой? Он тоже пробовал объездить чалого.

— Никифорову еще посчастливилось. Мог бы и голову расшибить.

— Тебе что, жить надоело?

— С этим чертом шутки плохи. Единственно, на что он годен, так эта на махан...

Сулеймен, все еще дрожа от волнения, крикнул:

— Не видел я могилы казаха, убитого конем!— Потом немного успокоился и попросил: — Помогите мне лучше снова забраться на него. Подержите за узду и прикройте глаза, чтобы он не видел, когда я буду садиться.

Настойчивость Сулеймена пришлась солдатам по душе, и они в конце концов согласились помочь ему.

Один из солдат вывел из конюшни дрожащего от бешеной скачки коня. Чтобы он снова не убежал в конюшню, заперли ворота. После этого двое солдат крепко взялись за узду у самых губ чалого, загородив собою Сулеймена. Юноша зажал поводья, вскочил в седло и задорно крикнул:

— Отпускайте!

Солдаты выпустили узду, отскочили. Чалый сделал несколько стремительных скачков вперед и снова забесновался. Казалось, в его жилах неукротимо закипела кровь далеких диких предков. Всю ярость не знавшего неволи четырехлетнего жеребца обрушил он на Сулеймена.

Дико всхрапывая, разбрасывая клочья горячей пены, он то высоко вскидывал зад, то взвизгивал на дыбы и вдруг, выбросив передние ноги, падал животом на замлю. Сулеймен чудом удерживался на его спине.

Солдаты, опасаясь копыт взбесившегося коня, забрались на дувал и оттуда с испугом и восхищением следили за борьбой юноши с взъярившимся жеребцом.

Тщетно испробовав все уловки, белогривый дьявол разозлился еще больше, рванулся и ударил грудью в ворота. Ворота гроыхнули, но не раскрылись. Чалый стремительно вертанулся и понесся, огибая дувал, вокруг заставы. Он знал, что на другой стороне тоже есть ворота. Но и они оказались запертыми. Увидев это, чалый остановился словно вкопанный, потанцевал на месте, как будто раздумывая, как быть дальше, и завертелся волчком.

Сулеймена уже начала злить непокорность коня. Зная его уловки, он теперь не боялся упасть. Натянув поводья, стал яростно нахлестывать чалого камчой по бокам, мокрым от пота.

Первый раз в жизни конь был так жестоко оскорблен. Злобе его, казалось, не было предела. Гневно заржав и высоко подпрыгнув, он помчался в степь.

Сулеймен только этого и ждал. Он облегченно вздохнул, смахнул со лба пот. В степи, где не было никаких преград, не так уж страшно. Пусть белогривый попробует теперь сбросить его!.. Он безжалостно хлестал коня камчой и шептал:

— Вот тебе, вот тебе! Раз ты упрямишься, я не стану жалеть тебя!

Чтобы укротить строптивного коня, надо иметь упрямый характер. Чтобы пасти лошадей, надо иметь такое же терпение, как и у них»,— вспомнились Сулеймену слова дяди Омиралы.

Впереди дымилось высыхающее в зное вспаханное поле. "А ну-ка, попробуй пробежаться по пахоте!"— усмехнулся Сулеймен.

Глубоко увязая в рыхлой почве, взрывая ее копытами и оставляя за собой вихрь пыли и комьев, конь несся вперед. Однако сил его хватило ненадолго. Вскоре он начал сдавать, с каждой минутой замедляя бег. За ушами, на предплечьях коня крупными каплями выступил пот, с дрожащих от усталости боков грязными клочьями падала пена.

Сулеймен понял, что белогривый почти выдохся и уже не может ожесточиться. Утверждая свою власть, он еще раз огрел коня камчой. Белогривый рванулся было, но тут же сник. Еле волоча ноги, поплелся он по борозде, как старая, захудалая чабанская лошадь.

Сулеймен радостно вздохнул и тыльной стороной ладони смахнул со лба пот. Только теперь он почувствовал, как устал за эти часы бешеной скачки. Рубашка на нем взмокла от пота, во рту пересохло, и страшно хотелось пить. Он направил коня к видневшемуся вдали колхозному току, где золотисто поблескивали горы намолоченного хлеба.

6

Заря еще только занималась, а Сулеймен уже проснулся и сразу же побежал в конюшню. Нужно было задать корм коню. Белогривый узнал его, повернул голову и тихо заржал. Теперь он выглядел уже совсем по-другому. Живот его подтянулся, и весь он стал собранней, стройней. Уши стояли торчком, а в глазах поблескивал дикий огонек. Только комья грязи да потеки пота на его серебристой шерсти напоминали о вчерашней бешеной скачке.

Сулеймен полюбовался чалым, протянул ему раскрытые ладони и, когда тот их обнюхал, ласково погладил его по шее, похлопал по спине. Счищая с него грязь, тихо приговаривал:

— Ты брось дурачиться. Я же не делаю тебе ничего плохого. Если будешь по-прежнему кочевряться, то после первого снега тебе прочитают отходную молитву и отрежут неразумную голову. Ты даже не знаешь, когда мясо твое закипит в котле. А если будешь смирным, никто не тронет тебя. Понимаешь, что я говорю?

Словно выражая свое согласие, чалый тряхнул головой.

Сулеймен снял с коня уздечку и бросил в кормушку только вчера накошенного душистого клевера. Подумал, что изголодавшийся чалый сразу набросится на корм. Но конь, фыркнув, сначала обнюхал траву и не торопясь стал выбирать губами самые сочные стебли.

— Ну и гордый же ты, мошенник!— восхищенно произнес Сулеймен.

Дома, за чаем, старая Ултуар озабоченно выговаривала Сулеймену:

— Что же это ты делаешь, сынок, а? Хочешь, чтобы я плакала до конца дней своих? Ведь убьет же он тебя, убьет!

Сулеймен пожал плечами.

— Странный ты человек, мама... Разве не все кони были когда-то неуксами? Не родились же они сразу смирными. Обучили их, объездили, вот и этого объездим...

— Да ведь конь-то какой! Вся застава не могла с ним справиться, тебе ли объезжать его! Сломаешь себе шею!..

— Эх, мама, не видал еще я могилы казаха, убитого конем,— повторил Сулеймен свои слова.

Напившись чаю, Сулеймен повел белогривого к ручью за аулом, напоил и снова поставил в стойло. Когда конь немного поел, он вывел его во двор и старательно расчесал спутавшуюся шерсть. Потом оседлал и вывел на улицу.

Хотел вскочить на него, но вспомнил, что белогривый снова может понести к воротам заставы. «Как бы мне предупредить солдат на заставе?»— раздумывал он. В это время на улице показался всадник. Это был Есенали, одноклассник Сулеймена. Тощий, длинноногий, как аист, Есенали ехал на незаседланной худой лошаденке, ноги его чуть не волочились по земле. Подъехав к Сулеймену, он остановил коня и с любопытством уставился на чалого.

— Это тот самый дикий конь, которого вы купили на заставе?— просипел он.— Вчера, говорят, он чуть не убил тебя. Правда?

— Вздор все это!— сказал Сулеймен.— Ты вот лучше съездил бы на заставу и попросил дежурного закрыть ворота. Понимаешь, если я сяду на чалого, он сразу же понесет меня на заставу, а там ворота низкие.

— У нас теленок куда-то пропал, надо бы поискать его,— нехотя проговорил Есенали, но предупредить пограничников все-таки согласился и, понукая лошаденку, потрусил к заставе.

Тем временем Сулеймен принялся отвлекать коня, тряс стремяна, несколько раз нажимал на седло, чтобы конь почувствовал тяжесть.

Переждав минут пятнадцать, он крепко ухватился за гриву коня и в одно мгновение очутился в седле. Чалый снова забесился, словно забыл о том, как вчера, послушный юноше, усмиранный, плелся по пахоте. Повторив все свои вчерашние приемы и не сумев сбросить седока, он, наконец, звонко заржал, подпрыгнул и помчался на заставу.

В мгновение ока пролетел скакун расстояние между аулом и заставой. Чуть не ударившись грудью о закрытые передние ворота, он круто свернул в сторону, намереваясь, как и вчера, попасть в конюшню через задние; обогнул высокую ограду заставы и, повернувшись почти на полном скаку, помчался прямо к воротам. И эти ворота, сколоченные из длинных жердей, оказались закрытыми. Сулеймен подумал, что конь наконец остановится. Но случилось почти невероятное: чалый сжался как пружина и перемахнул через ворота, высота которых была почти два метра! От неожиданности Сулеймен чуть не вылетел из седла; сердце его подскочило к горлу и упало вниз. Когда чалый ударился передними копытами о твердую, как камень, землю во дворе заставы, на лбу юноши выступил холодный пот.

Пришла зима, отзвенела ручьями весна, наступило знойное лето.

...Прекрасно джайляу Шалкуда! Окруженное полукольцом высоких синих гор со снежными вершинами, это урочище с давних пор стало излюбленным местом табунщиков и чабанов. Как только сходил снег с горных перевалов, спешили они сюда со своими табунами из опаленной зноем степи. Изголодавшийся за зиму скот сам торопился поскорее достигнуть благословенных альпийских лугов.

В середине лета, как всегда, в Шалкуде проводился традиционный праздник животноводов. Накануне этого дня чабаны и пастухи с тревогой поглядывали на небо: не подвела бы погода. Но опасения были напрасны: ночью яркие звезды густо обсыпали небо, предвещая хороший день. С раннего утра к месту тоя из горных долин на конях, верблюдах, на старинных двуколках, в грузовых и легковых машинах повалил народ. Оставляя за собой шлейфы пыли, мчались мотоциклисты. Около сорока снежно-белых юрт и множество палаток полукругом выстроились на пологом зеленом холме. Словно состязаясь, красовались украшенные транспарантами и лозунгами автоклубы, автолавки, красные юрты. Перед ними прохаживались дружинники с красными повязками на рукаве — так, для порядка.

Праздник начался митингом. Огромная толпа, окружившая импровизированную трибуну, затихнув, слушала выступавших ораторов. Только изредка фыркание лошадей да рев верблюдов нарушали торжественную тишину.

Когда объявили, что начинается чествование передовиков животноводства, толпа заволновалась. Чтобы увидеть, кому вручают подарки и грамоты, некоторые полезли в кузова машин, другие подъехали поближе на лошадях.

Но самое интересное зрелище, конечно, обещали казахша-курес-борьба и байга. Здесь среди участников байги был и Сулеймен. Он давно уже ходил вокруг скакунов, любовался ими, сравнивал со своим питомцем Белой гривой. Нет, его конь не хуже, если не лучше других скаковых лошадей, а в байге участвуют лучшие из лучших, выбранные опытными табунщиками, возвращенные и натренированные искусными лошадиниками. Некоторые из этих скакунов славятся по всему району.

Впрочем, к этому времени и чалый уже стал известен на всю округу, как самая умная и смирная лошадь. Преданный хозяину, как собака, он понимал его с полуслова. Соскочит Сулеймен с седла, бросит повод на луку, уйдет по своим делам, а конь стоит и ждет его. Или снимет седло, хлопнет чалого по боку и скажет: «Иди в табун!»— и он мчится к лошадям, только белый хвост развеивается по ветру. Скажет хозяин: «Домой!»— и Белая грива послушно направляется в свою конюшню. Подбежав к воротам, он мордой отодвигает задвижку, раскрывает ворота и заходит во двор.

А как он идет! Шагает, будто пританцовывая, легко и красиво вскидывая ноги. Кажется, поставь на его спину блюдечко с водой — не прольется.

Особенно приятно смотреть на Белую гриву, когда рядом с ним идут другие лошади. Тогда он поистине великолепен: гордо вскинув голову, встряхивая челкой, он словно чувствует восхищенные взгляды зрителей и старается идти впереди других лошадей.

Зимой, когда снег окреп и мог держать лошадь, Карим затоптал на Белой гриве трех волков и пять лисиц. В воскресные дни и Сулеймен выезжал на охоту. Он тоже взял двух лисиц. Самое удивительное было то, что, выезжая на охоту, не было надобности брать с собой ни ружья, ни собак. Конь Сам справлялся с хищником. Догнав волка, он или бил его передними ногами, или схватив за вагривок, отбрасывал в сторону и затем затапывал копытами.

О смелости Белой гривы стали ходить легенды.

Карим теперь часто упрекал себя за то, что чуть было не загубил чалого: какого коня хотел пустить на мясо!

В колхозе имени Абая мужчины и подростки мечтали хоть раз проехаться на Белой гриве. А однажды приехал капитан Халваши и стал просить Карима вернуть коня на заставу. Но Карим держался твердо:

— Что вы, капитан! С таким трудом укротили этого красавца — и теперь отдать!

— За укрощение возьмешь столько, сколько уплатили за самого чалого,— пытался уговорить капитан.

— Нет, нет, не просите. И потом конь принадлежит не мне, а колхозу, а вы сами советуете улучшать породу колхозных лошадей. Вы же подписали акт, что конь никуда не годится,— не удержался и съязвил Карим.

Смущенный капитан отбыл ни с чем.

9

Доезжачим на чалом был сын Омиралы — Аскар, двенадцатилетний подросток. Светлолицый, худощавый и подвижный, он очень походил на своего отца. Как и Сулеймена, отец воспитал его «на коне». В шесть лет Аскар уже ездил на однолетках, а к двенадцати годам он стал неплохим наездником. В седле он сидел словно влитой.

Вручив повод от Белой гривы Аскару, Сулеймен пересел на другую лошадь и издавал мальчику последние наставления перед скачками:

— Помни: на первых порах не подхлестывай его, только крепче держи повод и натягивай его в меру, без рывков. Ну а когда нужно будет хлестнуть камчой, л дам тебе знать.

Аскар внимательно слушал советы Сулеймена, понимающе кивал головой, повязанной белым платком, как полагается доезжачему.

А вот и сигнал: доезжачие на старт! Мальчики на конях, длинные хвосты которых собраны в узлы и перевязаны красными лентами, устремились на вершину холма.

Условия байги такие: лошади пять раз пробегают по кругу длиной в три километра.

Двадцать скакунов выстроились в одну шеренгу на старте. Все взоры прикованы к ним. Знающие толк в лошадях старики, присматриваясь, вытягивали шеи и спорили, оценивая достоинства каждого скакуна.

— Откуда вон тот чалый? Очень уж у него вид необычный... Разве была в «Абае» такая беговая лошадь?— слышалось с разных сторон.

Стартер резко взмахнул флажком. Закусив удила, двадцать скакунов рванулись вперед.

Сулеймен так и впился глазами в чалого.

До половины круга лошади скакали голова в голову. Потом немного стали отрываться друг от друга. Вот вперед вырвался маленький гнедой жеребчик, за ним шел белолобый вороной конь, третьим был Белая грива. Он несся частыми длинными прыжками, то растягиваясь, то почти соединяя в воздухе задние ноги с передними.

Рассеявшись по беговой дорожке, лошади живым ожерельем обхватили трехкилометровый круг.

Гнедой жеребенок оказался очень резвым, он все дальше и дальше удалялся от соперников. Но и вороной скакун бежал хорошо, он отставал от гнедого всего на полет стрелы. И это никого не удивляло, потому что обе лошади были лучшими в районе, не раз на скачках брали призы.

— Ну, гнедой пошел!

— Теперь его никому не догнать!

— Первый приз ему обеспечен!— толковали болельщики.

В сердце Сулеймена закралась тревога. Он не сомневался, что чалый возьмет один из призов, но как ему хотелось, чтобы он первым пришел к финишу.

Вот Белая грива проходит перед зрителями, заканчивая последний круг. Огрев своего коня камчой, Сулеймен вырвался вперед из тесной толпы, наблюдавшей за скачками, и крикнул Аскару:

— Давай!..

Аскар словно только и ждал этого сигнала. Подняв над головой плетъ, он несколько раз ударил ею Белую гриву— и тот полетел, как птица, будто с ударом камчи в него влились свежие силы.

Зрители ахнули, удивленные стремительным рывком чалого. В одно мгновение обогнав вороного, Белая грива стал настигать гнедого жеребчика. Расстояние между ними сокращалось с каждой минутой.

— Давай, давай, жми!— во все горло кричал Сулеймен, забыв о том, что Аскар уже не слышит его.

— Нагоняй, покажи ему хвост!— кричали другие.

— Вот это чалый!... Вот это скакун!..

Когда до финиша оставалось всего полкруга, чалый обогнал и гнедого. Поле словно вздрогнуло от восторженных криков. На глаза у Сулеймена от радости навернулись слезы.

Белая грива пересек финиш первым...

10

После тоя и байги только и разговоров было что о чалом из колхоза имени Абая. Любители лошадей приезжали издалека, чтобы поглядеть на Белую гриву. Из уст в уста передавались рассказы о том, как появился чалый в колхозе, как укрощал Сулеймен этого дикого неук.

И кто знает, сколько бы еще призов завоевал Белая грива, сколько хищников затоптал бы своими стальными подковами!..

Печаль охватывает меня, когда я вспоминаю о конце этой истории, истории об изумительном скакуне Белой гриве и о его смелом и заботливом друге, лихом наезднике Сулеймене. Как было бы радостно мне завершить свою повесть счастливым концом. Но разве жизнь — это только лазурные дни? Встречаются в ней и трагические случаи и печальные стечения обстоятельств...

В колхозе имени Абая жил человек по имени Кор-гасбай, работал он продавцом сельпо. Коргасбая ничто, казалось, в жизни не интересовало, кроме лошадей.

Но этот интерес выражался у него как-то странно: он имел скверную привычку безжалостно гонять животных. Каждый день можно было видеть, как Коргасбай, нахлестывая лошадь, случайно попавшую ему в руки или выпрошенную у кого-нибудь, скачет из дома в магазин и обратно.

Мчится Коргасбай по улице, а за ним, захлебываясь лаем, гонится целая свора собак. Укоризненно качают головами прохожие, а Коргасбая все нипочем, скачет себе, раздувая ноздри, вертит головой во все стороны, словно говоря всем своим глупым видом: «Смотрите, какой я лихой наездник!».

Однажды Коргасбай пришел к Кариму и стал кланяться:

— Дяденька, одолжи на минутку чалого. Нужно срочно съездить на базу... Тут же, рукой подать...

Карим не умел отказывать людям и дал коня.

Коргасбай вскочил на чалого и, как всегда, взял с места в карьер. Полетел так, что прохожие испуганно шарахались в стороны.

«Ну и дурень! По аулу не может проехать по-человечески», — с досадой подумал Карим.

Не прошло и пяти минут, как к Кариму в дом вбежал запыхавшийся мальчик.

— Дядя Карим! — закричал он с порога. — Коргаебая сбила машина! У чалого сломана нога!..

Услышав это, Сулеймен побледнел и рванулся на улицу. За ближайшим углом слышались взволнованные голоса, и юноша во весь дух мчался туда. Большая толпа плотным кольцом окружила грузовую машину. Растолкав любопытных, Сулеймен увидел рядом с машиной своего любимца. Белая грива стоял, подняв переднюю правую ногу, и мелко дрожал. На левом предплечье у него вздувалась опухоль величиной с детскую голову. Сулеймен обомлел от горя...

Виновник этого несчастья Коргасбай стоял тут же, целый и невредимый. Он даже не ушибся, падая с коня. У чалого же была разбита кость предплечья.

Увидев Сулеймена, Белая грива жалобно заржал, в больших умных глазах его показались слезы. Тугой ком подкатил к горлу Сулеймена, и он зарыдал, обняв голову тулпара...

О РАССКАЗЕ

Вы уже знаете, что в рассказе обычно говорится об одном или нескольких героях, описываются значительные события из их жизни.

В рассказе Бердибека Сокпакбаева также изображается ряд событий из жизни юноши Сулеймена, но все описанные эпизоды начинаются с самого главного и важного — встречи юноши с Белой гривой. Поэтому Белую гриву можно также назвать главным героем рассказа казахского писателя.

Отношение Сулеймена к Белой гриве, желание спасти коня, сделать его сильным и быстрым скакуном, подготовка коня к байге и другие эпизоды раскрывают характер главного героя. Мы узнаем о смелости и храбрости юноши, о его настойчивости и упорстве в достижении цели, умении понимать и любить животных.

Рассказ знакомит нас не только с людьми, которые окружали героев в описанных обстоятельствах, но и с особенностями быта, труда, обычаями этих людей. Так мы узнаем о том, как проходит национальная игра — байга, о том, как по-особенному относятся в казахском народе к лошадям, выделяя их из всех домашних животных, считая самыми умными и верными помощниками человека, живущего в степи.